

Дементьев П. А.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА США ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/25.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. I. С. 75-78. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

что антиповстанческие меры партийно-советских структур сводились к реализации ряда действий, имевших целью не столько физическую ликвидацию антибольшевистских повстанческих отрядов, сколько ограждение казачье-крестьянской массы от политического воздействия последних. Выделенные направления и формы антиповстанческой борьбы составят в дальнейшем основу в противостоянии власти и оппозиции на Дону.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА США ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ

Дементьев П. А.

Новосибирский государственный педагогический университет

Известно, что любая нация группируется вокруг определённых символов: флагов, национальных памятников и праздников, общих исторических воспоминаний. «Память американцев сформирована особым восприятием пространства и времени бытия нации - символикой Нового Света» [3, с. 69].

Прибытие «отцов-пилигримов» в Америку начинает восприниматься как часть сакрального времени, подлежащего воспроизведению в ритуале. Так, в 1769 г. в Плимуте впервые отмечался «День отцов-пилигримов», ставший впоследствии национальным праздником. Столь же знаменательна попытка «сынов свободы» в 1774 г. перевезти на центральную площадь города и превратить его в постамент для «столба свободы» плимутский камень, на который, согласно традиции, высадились первопоселенцы.

«В американской мифологии присутствует образ Америки как сверкающего «города на холме», светоча, освещающего человечеству путь к свободе» [6, с. 194]. Центральное место в этом образе принадлежит американскому кредо, которое включает в себя ценности личной свободы, эгалитаризма или равенства возможностей, индивидуализм, популизм и свободу рынка. В течении своей двухсотлетней истории США внедряют стереотип Америки как единственного мирового лидера, мессии, призванного наставлять другие народы на путь истинный, путь подражания американскому образу жизни и американской демократии. Еще в 1765 г., когда Америка была Британской колонией, Джон Адамс писал, что Американские поселения представляют собой «открытие великого замысла Провидения для просвещения невежественных и освобождения пребывающей в рабстве части человечества повсюду на земле» [4, с. 242]. В Декларации независимости Соединенных штатов есть ссылки не только на принципы справедливости, но и на божий промысел.

Еще со времен «отцов-основателей», существовало убеждение, что военная сила является главным фактором успешной внешней политики. Это утверждение является фундаментальным для политологической и исторической школы «реальной политики». В основе «реальной политики» лежит идеология прагматизма. Разработчиками этой идеологии являются Уильям Джеймс и Джон Дьюи. Идеи прагматизма, по существу продолжают силовые концепции Ницше и Фихте.

Одними из первых историков представлявших школу «реальной политики» были Генри и Брукс Адамсы. Они рисовали картину мира в виде непрерывно сталкивающихся «силовых потоков», для того чтобы доминировать в мире, нужно овладеть «источниками энергии». Адамсы призывали США взять на себя миссию завоевания и объединения всего американского континента и пространств Азии, поскольку в конце XIX в., Соединенные Штаты становятся центром имперского строительства. Б. Адамс доказывал, что испано-американская война – это лишь начало американского триумфа в борьбе за мировое господство. Среди его конкретных указаний экспансии есть интересное для нас направление: «Я полагаю, что нам суждено реорганизовать азиатскую часть той гигантской хаотической массы, которая именуется Россией... И, честное слово мне это нравится» [4, с. 16].

Еще дальше в своих притязаниях пошел другой идеолог американского мессианизма Фиске. В своей «тевтонской теории демократии» он восхваляет англосаксонскую расу и предрекает ей мировое господство. Следующий этап в мировой истории будет связан с доминированием этой гениальной экономической и политической системы во всем мире. «В заключение достаточно указать, - писал Фиске в 1885 г. в эссе под названием «Явное предначертание», - что той работе, которую начала английская раса, когда она колонизировала Северную Америку, предназначено продолжаться до тех пор, пока каждый участок суши, еще не являющийся местожительством старой цивилизации, не станет английским по языку, по своей религии, по своим политическим обычаям и традициям и в преобладающей степени по крови... Таким образом, раса распространится на обоих полушариях и от восходящего до заходящего солнца будет удерживать свой суверенитет на море и то торговое превосходство, которое она начала приобретать, когда Англия впервые протянула руку через Атлантику к берегам Вирджинии и Массачусетса» [4, с. 58].

В контексте доктрины особого предначертания американской нации перестает казаться необычным вывод, сделанный американским путешественником Джорджем Кеннаном, во время путешествия по Сибири в конце XIX в. После детального анализа Томской губернии и приведенных им статистических данных следует вывод: «Эти статистические данные убеждают в том, что, несмотря на скверное управление, ограниченную иммиграцию и деморализующее влияние уголовных ссыльных, Томская губерния не совсем бесплодна или нецивилизована. Если бы она находилась в руках американцев и если бы сюда была разрешена свободная иммиграция из Европейской России, она скоро стала бы столь плотно заселена и так же процветала

бы, как любой из наших северо-западных штатов. Ресурсы ее почти неистощимы, и все, что ей требуется, это хорошее управление и свобода для развития частного предпринимательства» [9, с. 264].

Эти авторы явно демонстрируют исторический стереотип о цивилизационном превосходстве Европы над Азией и Западом над Востоком.

Соединённые Штаты воспринимались европейцами экзотической антитезой европейской цивилизации. Европейцы отзывались восторженно о здешних людях, как о народе сердечном, щедром, прямом, гостеприимным, открытым в общении с иностранцами, гораздо меньше зараженным предрассудками. «Европейцев совершенно ошеломляла лихорадочная активность американцев и их решительное намерение заставить всех оценить их достоинство и принять их ценности» [2, с. 29].

На большом расстоянии многие, не вполне привлекательные черты реальной Америки, терялись; французские либералы видели в ней не только то, чем она была на самом деле, сколько то, чем они желали её видеть. Образ Америки подвергался значительной стилизации, и его конкретные черты зависели не только от реальных особенностей США, но и от потребностей Франции.

Некий француз, посетивший Америку в 1777 г., отмечал: «Они живут, как англо-европейцы, но в большей степени обладают духом свободы. В мирное и военное время забота о свободе составляет главную тему их бесед. С самого раннего детства американцы заучивали катехизис свободы. Понятие об этом драгоценном благе - вот чем были заняты их первые мысли; первой наукой, которую им старались преподать их отцы, было искусство сохранять и защищать свободу» [8, с. 28].

Недостаточное развитие рыночных отношений в США, преобладание аграрного сектора экономики над промышленностью, неразвитость городской жизни, низкая плотность населения - всё это свидетельствовало в пользу патриархального уклада в США. Вот почему европейские путешественники склонны были уделять особое внимание жизни американских фермеров и видеть отражение черт американского характера именно в них, а не в европеизированной элите городов восточного побережья.

Социальным основанием идеальной демократии считались свободные фермеры, собственники земельных участков, носители и защитники классического республиканизма. Именно о такой республике фермеров мечтал Т. Джефферсон; именно такую республику увидел в Америке лидер жирондистов Ж.П. Бриссо, страстный руссоист, посетивший Соединённые Штаты в 1788г. Вот как выглядела, по его мнению, жизнь американского фермера: «Один посреди этих обширных лесов, не видя вокруг себя никого, кроме жены и детей, он мирно спит, мирно работает; он счастлив. Если счастье может где-нибудь обитать, то в этом уединении, где ничто не питает человеческую гордыню, где невозможно строить честолюбивые планы» [8, с. 24]. В своих мемуарах Бриссо вновь возвращался к этой теме и писал, что более всего желал бы родиться американским фермером.

Ж. П. Бриссо, как и большая часть европейцев, идеализировал отношения внутри американского общества. В «отцах-основателях» он видел живое воплощение героев античности. Для Бриссо возвращение на «свою ферму» стандартный элемент характеристики «отцов-основателей»; при этом фермой он именуется даже плантацию Дж. Вашингтона: «Его часто сравнивали с Цинциннатом; это сравнение точно. Этот прославленный генерал теперь - не более чем добрый фермер, беспрестанно занятый заботами о своей «ферме», как её называют, об улучшении обработки почвы или о постройке риги» [8, с. 27].

Если о Соединённых Штатах европейские путешественники отзывались в целом положительно, то Россия воспринималась полудикой, варварской и главное враждебной Европе цивилизацией. А наличие в России крепостного права, автоматически приравнивало Россию к восточным деспотиям, хотя наличие самого рабства в США никак не повлияло на их отношения с Европой.

В XIX в., французский политический деятель и яркий публицист Алексис де Токвиль едет в Соединённые Штаты с целью всесторонне и беспристрастно изучить Американскую политико-правовую систему государства. Результаты его исследований были изложены в работе «Демократия в Америке».

А. Токвиль даёт точную характеристику американского общества как нации эмигрантов: «Эмигранты, или, как они сами себя называли, пилигримы, принадлежали к секте, которая была названа пуританской. Пуританизм был не только религиозной доктриной, по своим идеям это религиозное течение во многом смыкалось с самыми передовыми демократическими и республиканскими теориями. Эмигранты начали с того, что составили общественный договор, который был передан на утверждение всем заинтересованным сторонам.

Участие народа в общественных делах, свободное голосование по вопросу о налогах, ответственность представителей власти перед народом, личная свобода и суд присяжных - всё это было воспринято единодушно и реально введено в жизнь в Новой Англии» [6, с. 129]. В конечном итоге именно спецификой диссидентского сознания американских пуритан А. Токвиль объяснял различия в государственно-политическом строе Америки, закреплённое «отцами-основателями» в федеральной конституции 1787г. Для европейцев был важен тот факт, что Соединённые Штаты стали той страной, которая дала миру первый образец писаной конституции, и углубило своё понимание правового государства по сравнению с европейским либерализмом.

Особый интерес для европейских просветителей представляла Пенсильвания. Они находили в этой колонии широкую веротерпимость и свободу совести, которую ценили так высоко, что уже по одной этой причине видели в Пенсильвании воплощение своих идеалов. Не случайно Ш.Л. Монтескье сравнивал Уильяма

Пенна с Ликургом. Вольтер писал об Уильяме Пене, как о принёшем на землю: «золотой век, о котором столько говорили и который существует в действительности только в Пенсильвании» [7, с. 94].

В XVIII в. в республике видели не только особое государственное устройство, но и общество, чья экономика, социальная структура и даже ментальность отличаются от монархических стран. «В Соединённых Штатах склонность и привычка к республиканскому образу правления зародились в общинах, а также в результате деятельности провинциальных ассамблей» [1, с. 260]. Община - это основа основ управления обществом. По мере удаления от штатов Новой Англии та роль, которую играла община, до некоторой степени переходит к округу. Округ превращается в крупную административную единицу, власти которой становятся промежуточным звеном между правительством штата и простыми гражданами.

Во время своего пребывания в Америке Токвиль сделал вывод, что американцы достигли успеха в строительстве либерально- демократического государства благодаря глубокой децентрализации и развитию местного самоуправления, которое послужило подготовкой к участию народа в общегосударственной политике, а также благодаря длительному историческому существованию суда присяжных. Люди привыкли к «непосредственному применению народной власти» [6, с. 127].

А. Токвиль даёт характеристику судебной системы в исключительно радужных тонах: «Американцы ввели у себя институт мировых судей, одновременно совершенно лишив его аристократического характера, отличавшего этот институт в метрополии. Мировые судьи принимают непосредственное участие в процессе управления. Административное распоряжение почти всегда прячется за постановление суда; от этого распоряжение приобретает ещё большую силу, какой люди обычно наделяют закон.

Американцы Новой Англии не стали учреждать прокурорского надзора. Они разделили право надзора и право обвинения... Из этого следует, что судебная власть является настоящим регулятором демократии» [6, с. 137].

Особый интерес представляет его характеристика партийной системы. Изначально относясь к партиям, как к злу, свойственному демократическому правлению, А. Токвиль признавал, что в основе их деятельности лежат различные побуждения. Бывают такие периоды, когда недовольство существующими порядками охватывает все слои населения и общественное устройство терпит крах. Именно в этот период и происходят великие революции и возникают великие партии. Далее он делает сравнительный анализ больших и малых партий.

«...партии, которые я называю великими, характеризует приверженность принципам в большей степени, нежели забота о том, к чему может привести следование этим принципам; теория, обобщения интересуют их больше, чем практика, их волнуют глобальные идеи, а не конкретные люди. Великие партии демонстрируют более благородные устремления, более твёрдые убеждения, их действия более откровенны и решительны.

У малых партий, напротив, не бывает политических убеждений. Ими не движут великие цели, их отличительной чертой является эгоизм. За пламенными речами скрывается расчёт, они резко высказываются, но действуют робко и неуверенно. И цель, которую они ставят перед собой, и средства, которыми они пользуются для её достижения - ничтожны.

Великие партии потрясают общество, малые его будоражат. Когда закончилась война за независимость и появилась необходимость в новой форме правления, сформировались две точки зрения. Эти точки зрения такие же древние, как сам мир. Одна часть нации хотела ограничить власть народа, другая - беспредельно расширить её» [6, с. 218].

«...Для иностранца все эти домашние ссоры американцев кажутся, на первый взгляд, непонятными и ребяческими. Но как только изучишь тайные движущие силы, которые управляют в Америке мятежными группировками, становится ясным, что большая часть из них связана с одной из двух великих партий, которые разделяют людей с тех пор, как существуют свободные общества. По мере их дальнейшего изучения замечаешь, что деятельность одних направлена на то, чтобы ограничить использование общественной силы, деятельность же других - на то, чтобы расширить это использование» [6, с. 149].

Однако, восторгаясь Америкой, А. Токвиль отмечал, что американский народ довольно равнодушен к духовным удовольствиям: «Зарабатывать деньги - вот их главное занятие, они, можно сказать, преклоняются перед богатством» [6, с. 147].

Подробно изучив американскую модель государства, А. Токвиль сделал обобщающий вывод:

«Обратив наши взоры на Америку, не станем, однако, рабски копировать те институты, которые она создала для себя, но лучше постараемся понять в ней то, что нам подходит, не столько заимствуя примеры, сколько просто набираясь ума, и уж если станем занимать, то сами принципы, а не частные детали их законов» [6, с. 238].

Преимущество либеральной американской демократии, по мнению европейцев, заключалось в том, что принцип правления в этом государстве основан на верховной власти народа, осуществляемой через всеобщее голосование. Однако американский народ реализует своё право на власть лишь единожды, когда выбирает своих уполномоченных. Он выбирает тех, кто должен управлять от его имени, и отказывается от своей власти до следующих выборов.

Другим неоспоримым преимуществом либеральной американской демократии является разделение властей. В этом государстве оно носило не декларативный, а реальный характер. Особое место занимает идея независимости судебной власти, поскольку эта идея была новаторской. В средние века она была неизвестна

или же, по меньшей мере, о ней имели лишь смутное представление. Можно сказать, что первоначально во всех странах Европы исполнительная и судебная власть были совмещены.

Для просветителей правосудие представлялось как некая свободная и беспристрастная сила, которая противостоит сильным мира сего и может призвать любого гражданина к неуклонному исполнению закона.

Эффективность американской правовой системы заключается в её преемственности англо-саксонской системы права, потому что «... правосудие - это всегда сила традиций и общественного мнения, которые опираются на правовые нравы и воззрения» [1, с. 47].

Итак, на Америку европейцы проецировали свои надежды на формирование в Новом Свете, свободного от предрассудков и пережитков прошлого государства. Америка воспринимается как часть идеального типа европейской цивилизации, её политической и правовой системы. История подтвердила правильность этих ожиданий.

Список литературы

1. **Американские просветители.** Избранные произведения: в 2 томах. - М., 1968-1969. - Т. 1-2.
2. **Даниэл Бурстин.** Американцы: Демократический опыт. - М., 1993.
3. **Каримский А. М.** Революция 1776 года и становление американской философии. - М., 1976.
4. **Шейдина И. Л.** Невоенные факторы силы во внешней политике США. - М., 1985.
5. **Эрнандо де Сото.** Загадка капитала. - М., 2004.
6. **Токвиль, Алексис де.** Демократия в Америке. - М., 2000.
7. **Филимонова М. А.** Александр Гамильтон и создание конституции США. - М., 2004.
8. **Филимонова М. А.** Утопия для Французской Революции. Восприятие американской цивилизации во Франции в конце XVIII в. // Размышления об Америке. - М., 2001.
9. **Джордж Кеннан.** Сибирь и ссылка. - СПб., 1999. – Т. 1-2.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СМИ КАК ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Денисова И. В.

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск

Процесс трансформации политической системы в России сопровождается не только сменой режима, политической элиты и институтов власти, но и кардинальными изменениями системы официальных ценностей и ориентаций. Большинству россиян приходится менять привычные модели политического поведения, усвоенные в ходе первичной социализации. В настоящее время мы являемся свидетелями и участниками политической ресоциализации, предполагающей не просто освоение нового социального опыта, а «переучивание» того материала, который был усвоен в детстве и юности и составлял фундамент личности. В этой ситуации обращение к институтам социализации, посредством которых происходит приобщение к социальным нормам и ценностям, становится особенно актуальным. К одному из главных институтов социализации, наряду с семьей и системой образования, традиционно относят средства массовой информации (СМИ). В современном российском обществе происходит переоценка их роли и значения в различных сферах, в том числе политической.

Как и все основные институты социализации, определяющие содержание, механизмы и результат процесса политической социализации в современной России, СМИ претерпевают существенную трансформацию. Аналитики, изучающие российские масс-медиа, сходятся во мнении о том, что социализирующая роль СМИ в современной России в значительной степени деформирована. Это связано, прежде всего, со становлением масс-медиа как сегмента рынка. С одной стороны, сегодня они выполняют функции института, свободно транслирующего идеи демократии. Актуализируются ее функции критики и контроля в обществе, основанные на общественном мнении и законе, а также диалога между различными социальными группами. Только такой диалог, основанный на журналистской этике и правилах ведения бизнеса в сфере СМИ, способствует консолидации и сплочению общества, повышению эффективности политической социализации. Однако гласность сама нуждается в определенных гарантиях. Таким гарантом могло бы стать развитое гражданское общество, опирающееся на эффективную правоохранительную и судебную систему. В отсутствие этих гарантий свобода печати теряет свои позиции института политической социализации. Свидетельством этому является снижение интереса населения к СМИ падение в разы тиражей газет и журналов [Кочетова 2006: 18; Любарский 2006; Мельников 2004: 72-77; Меньшикова 2004: 14-15].

Одним из негативных последствий трансформации СМИ является стабильная тенденция к потере их независимости, как на общероссийском, так и на региональном уровнях. Особенно отчетливо это проявляется среди прессы и телевидения [Любарский 2006; Материалы конференции ИРИС 2002]. Такая ситуация обусловлена несколькими причинами. Главная из них – коммерциализация масс-медиа, связанная с ориентацией на извлечение максимальной прибыли. Поэтому они далеко не всегда слышат мнение граждан и выража-